

Первый мир (1)

— Молодой господин, пора вставать, Третий принц с самого утра ждёт вас в гостиной.

— Верно, молодой господин, я слышала от служанок из внешнего двора, что Его Высочество специально принёс для вас яства из самого дворца, не заставляйте же его ждать.

После нескольких мягких, уговоров человек, укутавшийся в постели с головой так, что стал похож на кокон, наконец шевельнулся.

Открыв глаза и обнаружив, что лежит в незнакомом месте перед незнакомыми людьми, Му Цинли на мгновение замер, а в мыслях образовалась пустота.

— Молодой господин? — заметив оцепенение человека на кровати, служанка у изголовья позвала его ещё раз.

Мужчина спрятался под одеялом, оставив снаружи лишь голову. Его чёрные, как смоль, длинные волосы после ночного сна всё равно выглядели гладкими и послушными. Глаза, напоминавшие ночное небо, усыпанное яркими звёздами, сегодня почему-то смотрели на привычных людей с долей настороженности и растерянности. Прилив крови окрасил его бледные щеки легким румянцем, губы были слегка сжаты, и такое выражение лица, появившееся на его чрезвычайно красивом лице, заставляло невольно захотеть проявить о нём заботу.

— Молодой господин, вам что, приснился кошмар? — с беспокойством спросили служанки.

Му Цинли несколько растерянно смотрел на них, и обрывки воспоминаний постепенно возвращались к нему.

Он должен был быть юным главой секты Тяньюэ, величайшей секты бессмертных в Мире совершенствования. Его звали Му Цинли, и он был единственным сыном великого главы. Обладая выдающимся талантом, он уже в юном возрасте попал в Список Ветра и Облаков Мира совершенствования, достигнув Стадии Преобразования Божества. Однако по природе своей он был человеком беспечным и холодным, ко многим вещам относился безразлично, и на протяжении многих лет у него был всего один ученик.

Тот ученик был мужчиной и по совместительству являлся его Даосским спутником.

Маленький ученик обладал не только незаурядным умом, но также был красив, свободолюбив и элегантен, к тому же искусен во всяких сладких речах. Он умел ублажить всех вокруг — от старших до младших соучеников и соучениц. Если бы не это, Му Цинли не так легко поддался бы на его уловки и, поверив его искренним ухаживаниям на начальном этапе, не согласился бы быть с ним.

Пусть Му Цинли и отличался некоторой холодностью, он вовсе не был лишён сердца. Если кто-то на протяжении почти ста лет искренне и от всего сердца хорошо относился к нему, то даже самый крепкий лёд растопился бы.

С тех пор Му Цинли точно так же всей душой отвечал взаимностью своему маленькому ученику, отдавая ему всё самое лучшее, чем располагала вся секта и что только можно было достать, надеясь лишь на то, что тот сможет использовать предоставленные ресурсы в сочетании со своим превосходным талантом и как можно скорее достигнет того же уровня культивации, что и он сам. Му Цинли всё хорошо обдумал, но со временем стал замечать, что даже с предоставляемыми им ресурсами скорость совершенствования младшего ученика в чём-то отставала от его планов.

Испытывая смутные сомнения, он начал тайком наблюдать за повседневными практиками ученика и с потрясением обнаружил, что тот бережно отдавал бóльшую часть полученных от него сокровищ младшему соученику.

— Старший брат, в прошлый раз я слышал, будто твой наставник крайне недоволен твоими успехами в совершенствовании. А теперь ты снова передал мне столько вещей...

В саду среди цветов две фигуры — высокая и пониже — стояли лицом друг к другу, и эта картина резала глаза Му Цинли. Хрупкий и миловидный младший соученик заговорил дрожащим голосом, выглядя столь беспомощным, будто от малейшего порыва ветра он мог упасть.

Этот младший соученик смутно помнился Му Цинли: казалось, они выросли вместе с его учеником.

Он помнил, как некогда в бессмертной секте сочли природные данные того друга слишком слабыми и не захотели принимать его. Но младший ученик оказался лучшим среди новичков, тем, кому было суждено возвыситься над людьми и обрести бессмертие. Он заявил, что если секте не нужен его друг, он предпочтёт отказаться от отбора в Секту Тяньюэ и уйти в другую обитель бессмертных.

Глава секты не желал упускать столь одаренного юнца и подумал: в конце концов, их Секта Тяньюэ — великая обитель, так почему бы не приютить еще одного никчемного человека? И он согласился на условие ученика.

Му Цинли услышал, как его дорогой младший ученик, стоя к нему вполоборота, мягко произнес:

— Ничего страшного, наставник любит меня и не станет бить или бранить.

Разумеется.

Ученик в конце концов был его законным даосским спутником, и он, конечно, не стал бы избивать или ругать его без причины.

— Как же обидно за тебя, старший брат, ведь тебе приходится поддерживать с наставником такие отношения...

Му Цинли: ?

Еще больше разочаровывало то, что взгляд ученика на мгновение помрачнел, а затем он с улыбкой успокоил собеседника:

— Лишь бы это помогло тебе развить твои природные данные, я не чувствую себя обиженным.

Выслушав это, Му Цинли пришел в такое бешенство, что ему показалось, будто единственным, кому здесь положено жаловаться на обиду, был он сам.

Что это еще за слова такие со стороны ученика?!

У Му Цинли был далеко не самый мягкий нрав, и в ту же секунду его захлестнула ярость — ему нестерпимо захотелось выйти и прикончить их обоих на месте.

Однако перед тем, как нанести удар, он заколебался: воспоминания о прошлом общении с учеником смягчили его сердце.

В конце концов, он не видел всего с самого начала, и судить лишь по последним фразам — возможно, тут таилось какое-то недоразумение. К тому же приближался момент прорыва на новую ступень, и Му Цинли успокоил себя мыслями о том, что во всем разберется после Уединения для совершенствования.

Но перед тем как уединиться, он приказал младшему ученику явиться перед лицом всех остальных учеников секты.

Злость из-за того, что ученик просто так раздавал чужим людям дарованные им сокровища, всё еще не утихла. И потому, изменив своему обычному мягкому обращению, он впервые холодно и резко отчитал того за отсутствие усердия, за растрату впустую переданных ему ценных ресурсов и даже велел наказать его несколькими ударами плетки.

Он также распорядился разделить между остальными учениками новую порцию ресурсов, которая изначально предназначалась этому юноше, не оставив ему ни крохи, после чего без малейшего сожаления повернулся и ушел в затворничество.

Прорыв Му Цинли прошел на редкость гладко.

Вот только едва выйдя из Уединения для совершенствования, он почувствовал, что в его ушах звучит множество странных голосов.

Вкус мяса журавля с задних гор просто потрясающий, если завтра снова стащить одного, наверное, никто и не заметит!

? Шаг Му Цинли оборвался на полуслове, он машинально огляделся и заметил, что проходящие мимо люди были абсолютно тихими — в худшем случае они почтительно склоняли головы в знак приветствия, и никто ничего не произносил вслух.

Цветы снова распустились, можно нарвать немного и приготовить что-нибудь вкусненькое.

Кажется, вчерашний магический инструмент обошелся мне в убыток, нужно попросить у старшего брата побольше духовных камней.

Эх, как скучно, пожалуй, вернусь-ка я к своей хорошей младшей сестричке для Двойного совершенствования.

Самые разные реплики, включая те, что звучали довольно непристойно, проникали в его слух. Принадлежали они разным людям и были отчетливыми, словно кто-то нашептывал их прямо на ухо.

Му Цинли вновь молча обвел взглядом окружающих и убедился, что все ведут себя тихо. Даже те, кто шел парами и беседовал друг с другом, изъяснялись вполголоса. Слух у него был отличный, и он прекрасно расслышал их разговор, но ни одно слово не совпадало с теми чужими голосами в голове.

Пока навстречу ему не шагнули двое мужчин — оба из числа его младших учеников. Они почтительно сложили руки в приветственном жесте, а слова их приветствия прозвучали четко и веско.

Он уже собирался кивнуть в ответ, как в его сознании вновь раздался резкий голос.

Уровень маленького главы секты снова вырос, просто завидно.

Маленький глава секты так прекрасен, а эта фигура... ему и правда досталась даром. Интересно, бывает ли столь холодный маленький глава секты в постели...

Лицо Му Цинли застыло. Глядя на двух мужчин перед собой, которые вежливо и молча улыбались ему, он узнал обладателя второго голоса — им оказался тот, что стоял слева.

Его взгляд пронзительно сузился, а уши покраснели от стыда и гнева. Ему с трудом верилось,

что столь внешне благопристойный человек способен произносить подобные пошлые речи — пусть даже на словах тот ничего и не сказал.

Но он-то слышал. Му Цинли никогда ни с кем не церемонился. Стоило собеседнику вызвать у него неприятные ощущения, как он тут же взмахивал рукой и отвечивал тому пощёчину, отправляя беднягу в долгий полёт.

Этот его выпад до смерти напугал всех окружавших их людей. Те застыли с отвисшими челюстями, в оцепенении глядя на него.

Особенно собиравшийся с духом спутник улетевшего прочь мужчины — он инстинктивно отступил на пару шагов назад, опасаясь, как бы молодой сектант в порыве гнева не пнул и его тоже.

Му Цинли не стал утруждать себя долгими объяснениями и лишь разъярённо уставился на ошеломлённого мужчину, которого сам же только что и отхлестал, гневно рявкнув: — Дерзость!

Почувствовав странности в собственном теле, Му Цинли тут же повернулся и зашагал прочь от толпы.

По всей видимости, дело было в прорыве на новый уровень: он совершенно случайно обрёл способность, отдаленно напоминающую чтение мыслей. Правда, ему совсем не улыбалось слушать этот постоянный гам, от которого пухла голова, поэтому, побыв некоторое время в одиночестве и немного попрактиковавшись, он наконец постепенно освоил и подчинил себе этот новый дар.

Теперь голоса в чужих головах удавалось расслышать лишь тогда, когда он сам осознанно концентрировался на ком-то и пытался заглянуть ему в душу. Вот только каждое такое прослушивание стоило ему немалых затрат ментальной энергии и духовной силы.

Му Цинли вспомнил о своем любимом ученике. Захотев повидаться с ним и поделиться этой свежей новостью, он обнаружил, что того нет на его вершине.

Скрыв своё присутствие на поиски, в конце концов он отыскал парня во внутреннем дворе младшего сородича по секте.

Младший сородич, чьи покрасневшие глаза выдавали недавние слезы, жалобно прижался к его ученику и всхлипнул: — Старший братец, ты ведь совсем не любишь своего наставника, но вынужден вечно находиться рядом с ним. Из-за каких-то ресурсов тебе приходится говорить то, чего не лежит душа, и совершать поступки, которых ты вовсе не желаешь. Видя тебя таким, моё сердце разрывается от жалости.

Ученик молчал, но и отталкивать плачущего не спешил.

Му Цинли стоял за толстым стволом дерева и тихо сжимал кулаки.

— Я слышал, твой наставник уже завершил Уединение для совершенствования. Если он выйдет и увидит, что твоя база культивации ничуть не выросла, он снова станет тебя наказывать. Тебя ещё не до конца зажили раны от прошлого раза, ты точно не вынесешь ещё одной кары.

— Старший братец, давай бросим Секту Тяньюэ? С твоими способностями мы вполне сможем жить припеваючи, если ты уйдёшь со мной и мы будем тихо совершенствоваться где-нибудь в другом месте.

Ученик по-прежнему хранил молчание, однако его хмурый лоб выдавал, что он и в самом деле всерьёз раздумывает над этим предложением.

Му Цинли исподтишка извлек на свет свой Меч жизни, и пальцы, сжимавшие рукоять, заметно задрожали от подступившей ярости.

Тот самый младший сородич, что всё ещё обнимал его ученика, вдруг робко спросил: — Или... старший братец, неужели ты всё же привязался к своему наставнику и не можешь заставить себя уйти от него?

Ученик ответил без малейшего промедления, практически мгновенно: — Нет, с чего бы? Ты же знаешь, я добивался близости с ним исключительно ради тебя.

Му Цинли даже не мог бы толком описать то, что чувствовал в ту секунду. Наверное, его сердце пронзило болью ещё в самый первый миг, когда он стал свидетелем этой сцены, и оттого сейчас оно просто онемело.

Всё, что ему оставалось ощущать — это всепоглощающую ярость обманутого и преданного человека.

Вот оно что, подумалось Му Цинли.

Неудивительно, что даже спустя столько лет после установления их связи ученик неизменно сохранял с ним почтительную дистанцию и никогда не просил о тех интимных вещах, что обычно разделяют даосские спутники. Прежде он наивно полагал, будто дело лишь в их обоюдной отрешённости от мирского и равнодушии к подобным утехам.

Кто бы мог подумать, что на самом деле ученик всем сердцем любил вовсе не его.

Му Цинли поднял зажатый в руке меч и с силой послал режущую волну, пронизанную

разрядами молний, прямо в сторону крепко обнимавшейся пары.

Его ученик обладал тонким умом и невероятной чуткостью к малейшим изменениям вокруг, а потому отреагировал первым: он со всего маху оттолкнул хрупкого младшего сородича и сам отскочил на добрых несколько чи назад. Лезвие меча свистнуло в промежутке между ними, заставив жалобно всхлипывающего сородича рухнуть от испуга на землю, в то время как сам ученик с изумлением уставился на наставника.

Му Цинли холодно усмехнулся, в одно мгновение оказавшись перед собственным учеником, и тут же обрушил на него всю сокрушительную мощь своей ауры, принадлежавшей мастеру на Стадии Преобразования Божества.

— Учитель... — Сметенный ученик даже не пытался оправдаться или выразить испуг. Му Цинли с леденящим душу выражением лица схватил его за воротник и в таком положении, словно бесполезный мусор, потащил на свою главную горную вершину.

Давящее, отнимающее дыхание могущество вмиг разогнало всех учеников, крутившихся у подножия его пика, и на крутой вершине остались лишь они вдвоём.

Погода под стать моменту испортилась: густые, чернильные тучи затянули пик со всех сторон, нависая над ним тяжелой свинцовой пеленой, словно предрекая еще большую бурю надвигающейся драмы.

Едва коснувшись ногами земли, Му Цинли с размаху швырнул несостоявшегося любимца прямо на камни. Глухой стук удара о землю прозвучал точь-в-точь как звон разбивающегося вдребезги сердца.

Как ни крути, они провели вместе немало времени, и утверждать, будто Му Цинли не вложил в эти отношения ни единой искры чувств, было бы ложью.

Вернее сказать, он даже не пытался сосчитать, сколько всего в них инвестировал.

Глубина былой любви теперь оборачивалась столь же исступленной ненавистью.

Должно быть, он действительно безумно любил своего ученика — иначе откуда сейчас в нем бралось это дикое, жгучее желание прикончить предателя собственными руками?

Ученик так и остался сидеть на земле, слегка запрокинув голову и глядя на него снизу вверх.

Его ученик и впрямь уродился на редкость хорош собой: соболиные брови, ясные глаза, благородные манеры. В отличие от самого Му Цинли, над которым то и дело подшучивали за холодную, отстраненную красоту, лицо ученика отличалось мужественной и утонченной статью — это был образ надежного человека, на чье плечо всегда можно опереться.

Му Цинли мысленно над самим собой посмеялся: столько лет он ходил по тончайшему льду, а в итоге оступился и рухнул в пропасть из-за столь ничтожного человека.

Он вскинул меч, острием уперев его в горло ученика, и в его темных глазах, устремленных на юношу, плескался такой мороз и такое разочарование, каких тот отродясь не видел.

— Тебе есть что сказать в своё оправдание? — Му Цинли нарушил затянувшееся молчание первым.

Ему вдруг стало любопытно, что же на самом деле творится в душе ученика, с которым они провели столько лет бок о бок.

И тогда, поддавшись импульсу, он открыл ментальную связь со своим воспитанником.

Однако в ответ не слышалось ни звука. Словно ученик заранее предвидел свою участь, и его душа погрузилась в то странное, внезапное спокойствие, какое бывает перед самой смертью.

Лишь спустя долгое время ученик опустил взгляд и тихо произнес: — Вы всё сами видели, и это чистая правда. Мне нечего объяснять.

— Всё это — лишь моя безответная страсть, поэтому карите или убивайте меня, Учитель, я приму любую кара без единой жалобы. Я лишь прошу вас проявить милосердие и отпустить младшего сородича... — Фраза оборвалась на полуслове, стоило острию меча слегка оцарапать кожу на шее юноши.

Кончик клинка оставил на бледной коже тонкий порез, и на месте царапины тут же выступила бусинка ярко-алой крови.

Му Цинли по-прежнему не слышал в мыслях парня никаких иных слов.

Ему вдруг стало трудно дышать.

Неужели даже зайдя так далеко, его ученик по-прежнему не испытывал ни малейшего желания сказать ему хоть слово?

Сердце словно зажали в кулаке и принялись безжалостно мять и скручивать, отчего внутри разлилась жгучая боль, пробирающая до костей. Ощущение было таким, будто вынашиваемая годами вера в одночасье рассыпалась в прах, а его самого грубо ткнули носом в то, что всё вокруг было ложью и пустой иллюзией.

В свое время глава предостерегал его: любовь — вовсе не предел всему. Не стоило отдавать ученику столько сил и душевного тепла, куда правильнее было продолжать свой путь

совершенствования по изначальному плану. Поступи он так, глядишь, давно бы уже вознесся и стал бессмертным.

— Скажи, за все эти годы ты хоть на мгновение испытывал ко мне искренние чувства? — Этот вопрос сорвался с его губ помимо воли, совершенно неподготовленным.

Му Цинли никогда не считал себя тем типом людей, что способны задавать подобные вопросы. Как человек, всецело преданный самосовершенствованию, он давным-давно превзошел мирские привязанности и должен был уметь легко отпускать то, что уходит.

Но в этот самый миг его тело отреагировало и заговорило быстрее, чем мозг успел это осознать.

На лице того, на кого был нацелен его клинок, на миг мелькнуло растерянное выражение, после чего они так и замерли, безмолвно глядя друг другу в глаза.

Долгое время спустя он услышал глухой ответ: — Простите, Учитель.

Длинный меч, источавший леденящее сияние, насквозь пронзил сердце сидевшего перед ним человека. Когда убийца выдернул клинок обратно, хлынувшая из раны алая кровь заструилась по земле, быстро превращаясь в маленький ручеек.

Му Цинли с суровым и мрачным лицом смотрел на то, как жизнь покидает тело мужчины, распростертого в луже крови. Его душа была отягощена тяжелыми думами, как вдруг до слуха неожиданно донесся чужой голос — донельзя легкомысленный и неуместный в нынешней обстановке.

— Миссия выполнена, общий прогресс сбора осколков Первородного Духа достиг тридцати семи процентов, готовимся к эвакуации из этого мира.

— Отличная работа! Мы стали ещё на шаг ближе к цели, вперёд!

Обладатель голоса звучал мягко и нежно, напоминая семи-восьмилетнего ребенка, но при этом в интонациях чувствовалась какая-то неестественная фальшь.

Он незаметно окинул взглядом окрестности, убедившись, что все живые существа в радиусе ста ли разбежались от его устрашающей ауры.

Да и слышать чужие мысли он мог только от своего недавнего ученика.

Озадаченный Му Цинли вновь прислушался и уловил другой голос — более солидный, низкий и с приятными бархатными нотками.

[А он и впрямь не церемонится, чертовски больно.] Спокойный, неторопливый баритон контрастировал с легкой ленцой в тоне и самой жалобой.

Му Цинли опустил ресницы, пряча охватившее его изумление, с которым он не мог совладать.

Это что же, мысли его ученика?

По сравнению с привычным голосом в реальности, этот звучал куда глубже и приятнее.

— Сейчас всё будет, для выхода тоже требуется время.

[Лучше бы тебе обойтись без накладок, я не собираюсь тратить на это ещё несколько веков.]

— Не переживай, осколок Первородного Духа успешно принят.

[С чего это в этом мире процент так подскочил?]

— Похоже, из-за специфики Мира совершенствования, на него пришлось целых двадцать три процента — это же самый крупный осколок.

Пальцы Му Цинли, сжимавшие эфес меча, снова занемогли от мелкой дрожи.

О чём... о чём вообще толкуют эти дворяне голоса?

Успокоив дыхание и прислушавшись вновь, он с ужасом осознал: по мере того как дыхание ученика угасало, его душу словно вытягивало наружу какой-то посторонней силой.

Вытягивало прочь из этого мира.

Состояние духа Му Цинли претерпело очередное колоссальное изменение всего за какую-то пару мгновений.

<http://bllate.org/book/22175/2310348>